

— Лена, выпьем за нас с тобой! — Георгий поднял бокал с золотистым вином, посмотрел сквозь него на свою жену. Ее светлые волосы приобрели оттенок живого золота, мягко заблестели в отблеске свечей, которые зажег на их столе официант. Лена рассеянно улыбнулась, взглянула в зеркальную стену, где отражался зал ресторана.

— Представь, какое понадобилось стечение обстоятельств, чтобы мы оба оказались на той вечеринке, где нас познакомил Стивенс? Для начала нужно было, чтобы мы оба оказались в Венесуэле...

Внезапно Георгий понял, что жена его не слушает. У нее появилось какое-то странное, отсутствующее выражение. Казалось, она сейчас не здесь, не с ним, а где-то за тридевять земель... Впрочем, именно там, за тридевять земель отсюда, в далекой экзотической Венесуэле, они и познакомились...

Георгий подумал, что слишком много говорит, что этим, наверное, наскучил Лене, и решил, что настал самый подходящий момент для

заранее приготовленного сюрприза. Он вытащил из кармана синюю бархатную коробочку, положил на стол, накрыв большой ладонью, и проговорил таинственным голосом:

— Закрой глаза!

Лена послушно закрыла глаза. На ее лице появилось доверчивое детское выражение, выражение, с каким ребенок ожидает чуда, ожидает новогодний подарок. Георгий бережно взял ее руку, открыл коробочку, достал перстень с крупным сапфиром и осторожно надел на безымянный палец. Перстень был чуть маловат, он едва налез. Георгий немного расстроился, что не угадал с размером.

— Можно открыть глаза?

Лена взглянула на кольцо, благодарно улыбнулась:

— Какая прелесть!

Она подняла руку с кольцом к свету. Сапфир засиял тем же чудным глубоким светом, каким сияли Ленины глаза.

— Немножко тесноват, — проговорил Георгий виновато.

— Ничего, разносится! — Лена перегнулась через стол, поцеловала мужа в уголок губ, снова скосила глаза в зеркало и проговорила извиняющимся тоном: — Гошенька, я оставлю тебя на несколько минут!

Она встала, легкой танцующей походкой пересекла зал.

Георгий проводил ее взглядом, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза.

Он вспомнил тот день полтора года назад, когда пришел на вечеринку, устроенную строительной фирмой, в которой он работал. Его знакомый американец, Рикки Стивенс, подошел к нему и проговорил:

— Познакомься, Джордж, это Хелен, она — твоя соотечественница...

Георгий взглянул на спутницу Стивенса, загорелую высокую блондинку — и пропал.

Должно быть, тогда совпало многое — волшебная южная ночь, далекая страна, небо, усеянное незнакомыми созвездиями, как алмазами в сотни карат, волнующая латиноамериканская музыка и эта чудесная женщина с удивительными синими глазами...

На следующий день они снова встретились, а через два месяца в посольстве поженились.

Георгий вспомнил их свадьбу и невольно улыбнулся. В самый торжественный момент в комнату вбежал лабрадор посла, сдернул со стола скатерть вместе с вазой, в которой стояли две дюжины белых роз. Мокрые белые цветы осыпали весь ковер. С тех пор Георгий по любому поводу дарил Лене белые розы.

Георгий открыл глаза и взглянул на часы.

Лены не было уже двадцать минут. В принципе повода для беспокойства пока не было, но внезапно он почувствовал какую-то смутную тревогу.

Через зал к его столику приближалась высокая светловолосая женщина в платье такого же, как у Лены, темно-красного цвета. В первый момент ему даже показалось, что она чем-то похожа на его жену, и Георгий улыбнулся. Только потом понял свою ошибку и стер улыбку с лица.

Незнакомка подошла к его столу, отодвинула стул и проговорила:

— Ты не скучал без меня, дорогой?

— Простите? — Георгий недоуменно взглянул на женщину. — Что вы сказали?

— Ты не скучал без меня, дорогой? — повторила она, усаживаясь на Ленино место. — Я немного задержалась.

— Это что — какая-то шутка? — Георгий удивленно улыбнулся. — Вы — Ленина знакомая? А где Лена?

— Перестань дурачиться, Жора. — Женщина взяла в руку Ленин бокал, пригубила вино, поставила бокал на место. — Ты хочешь еще немного посидеть, или поедем домой?

— Вы что — решили меня разыграть? — Георгий растерянно заморгал. — Нет, серьезно — где Лена?

— Хватит, дорогой, это не смешно! — Незнакомка нахмурилась. — Поедем домой, мне здесь уже надоело!

— Да что происходит?! — Георгий повысил голос. — Это действительно не смешно! Где Лена?

— Слушай, сколько можно! — Женщина нахмурилась. — На нас уже начинают оглядывать-

ся! Что с тобой происходит? Это на тебя совершенно не похоже!

— Нет, в конце концов все имеет свои пределы! — возмутился Георгий. — Мне совершенно не нравится этот розыгрыш! Где моя жена?

— Я твоя жена! Прекрати этот балаган!

Незнакомка раздраженно огляделась. На них действительно удивленно смотрели из-за соседних столиков. Георгий перевел дыхание, опустил глаза, стараясь успокоиться. Он взглянул на руки незнакомки и увидел на безымянном пальце кольцо с сапфиром. То самое кольцо, которое только что надел на палец жене.

Это было не просто похожее кольцо — это было то самое кольцо! Он долго выбирал его в ювелирном магазине и не мог ошибиться! Те же золотые веточки, поддерживающие крупный синий камень...

В затылке начала пульсировать боль, в глазах потемнело. Да что же это происходит? Может быть, он сходит с ума?

Он снова поднял глаза, внимательно взглянул на женщину, сидящую напротив.

Широковатые скулы, ложбинка на подбородке, родинка на левой щеке. Определенно, он ее никогда раньше не видел.

— Кто вы? — проговорил он вполголоса, стараясь не волноваться. — Что вам нужно? Где моя жена?

— Опять ты за свое! — Женщина раздраженно взмахнула рукой, при этом перстень соскольз-

нул, она поймала его на лету и снова надела на безымянный палец.

Георгий отметил, что перстень ей велик, а Лене он с трудом смог его надеть.

— Где моя жена? — повторил он хрипло, сам понимая, как глупо это звучит.

— Ну все. — Женщина сдвинула брови, поднялась. — Ты можешь делать все, что хочешь, а я поеду домой.

— Где Лена?! — Георгий привстал, наклонился к незнакомой женщине, сверля ее взглядом. — Где моя жена?

К их столику подошел официант, озабоченно проговорил:

— Какие-то проблемы?

— Проблемы? — Георгий посмотрел на него невидящим взглядом. — Мы... эта женщина...

— Кажется, мой муж выпил лишнего! — перебила его женщина. — Простите, наверное, нам лучше уехать!

— Я тебе не муж! — выпалил Георгий.

Перед глазами у него все поплыло, стол качнулся. Официант странно взглянул на него и исчез, тут же на его месте появился метрдотель, высокий худощавый мужчина средних лет.

— У нас приличное заведение, — проговорил он вполголоса. — Нам не нужны скандалы. Сейчас я вызову для вас такси...

— Приличное заведение? — выкрикнул Георгий. — Да у вас здесь черт знает что творится! Где моя жена?

— Ваша жена? — Метрдотель удивленно взглянул на женщину за столиком.

— Не слушайте его, — смущенно проговорила женщина. — Муж выпил лишнего. Прежде с ним такого никогда не случалось. Нам действительно лучше уехать.

— Я с этой женщиной никуда не поеду! — закричал Георгий и потянулся к блондинке. — Куда ты дела Лену?

Его схватил за руку прежний официант, с другой стороны подскочил еще один. Вдвоем они повели его к выходу. Перед входом в ресторан их уже ждало такси. Официанты ловко втолкнули Георгия на заднее сиденье, женщина села рядом.

— Куда едем? — спокойно осведомился водитель, взглянув в зеркало на Георгия.

— Я никуда не еду! — крикнул тот. — Я должен вернуться! Там осталась моя жена...

— Не слушайте его! — перебила женщина. — Муж выпил лишнего, он сам не знает, что говорит.

И она назвала адрес, их с Леной адрес.

— Бывает, — спокойно проговорил водитель, и машина плавно тронулась.

Георгий попытался открыть дверцу, выскочить, но женщина схватила его за руку и прошипела, как рассерженная кошка:

— Прекрати сейчас же! В конце концов это просто неприлично! Как ты себя ведешь?

Внезапно Георгий почувствовал дурноту и слабость. Окружающее заколыхалось, как ко-

лышется театральный занавес, прежде чем разъехаться и открыть сцену, перед глазами поплыли радужные круги и полосы. Он прикрыл глаза, откинулся на спинку сиденья и попытался успокоиться, понять, что же с ним происходит.

Может быть, ему все это просто померещилось? Может быть, сейчас он откроет глаза и увидит рядом Лену?

Но когда он открыл глаза, то увидел рядом все ту же незнакомую женщину. Дурнота усилилась, он застонал и провалился в тусклое темное беспмятство.

— Надо же, как мужик нализался! — сочувственно проговорил таксист. — И часто с ним такое?

— Не поверите — первый раз! — вздохнула женщина.

Водитель недоверчиво хмыкнул.

Когда они доехали до дома, таксист с женщиной кое-как вытащили Георгия из машины. На свежем воздухе он пришел в себя, по крайней мере, мог самостоятельно идти. Они вошли в подъезд, добрались до лифта и тут встретили соседей, пару средних лет с маленькой собачкой. Соседи взглянули на Георгия удивленно и неодобрительно, жена испуганно поздоровалась, Георгий в ответ пробурчал что-то неразборчивое.

Наконец они вошли в квартиру, Георгий кое-как доплелся до кровати, упал на нее, не раздеваясь, и на этот раз окончательно отключился.

* * *

Утром он проснулся с жестокой головной болью и в ужасном настроении. Все вчерашнее происшествие казалось ему бредом, он не понимал одного: как он мог так напиться, что перестал узнавать собственную жену?

Он вспомнил вчерашний бред, вспомнил, как ему казалось, что Лена превратилась в совершенно незнакомую женщину. Ему стало стыдно, мучительно стыдно.

Самое ужасное, что он устроил такой скандал именно в годовщину их свадьбы, в такой день испортил Лене настроение!

Жены, кстати, рядом в постели не было, зато из кухни доносилось звяканье посуды и шум льющейся воды. Наконец в коридоре послышались шаги, и жизнерадостный голос проговорил:

— Ну как, дорогой, ты проснулся?

Дверь спальни открылась. В первый момент Георгий увидел поднос с чашкой кофе и бутербродами, руку, плечо в розовом — домашний халатик жены.

— Не знаю, можно ли тебе кофе, — произнес голос, на этот раз озабоченный. — Вчера тебе было так плохо...

Женщина повернулась к нему лицом... и Георгий застонал: это была не его жена. В розовом халате жены в комнату вошла та самая вчерашняя блондинка. Блондинка из его бреда.

Она поставила поднос на прикроватную тум-

бочку, поправила одеяло и проговорила с сомнением в голосе:

— Не стоило бы так о тебе заботиться после вчерашнего, но я не могу так сразу перечеркнуть все, что у нас было. Однако ты должен понять, в какое ужасное положение меня вчера поставил! Особенно стыдно мне было перед соседями! — Тут она увидела его перекошенное лицо и спросила: — Ну, что с тобой? Тебе опять плохо? Тогда, наверное, тебе не стоит пить кофе!

— Где... где Лена? — едва слышно проговорил Георгий.

Женщина всплеснула руками и выбежала из спальни.

Тогда Георгий поднялся, добрел до двери.

Голова кружилась, руки дрожали, во рту был отвратительный привкус. Из коридора доносились какие-то странные звуки, как будто кто-то мучил кошку.

Держась за стену, Георгий вышел в коридор.

Странные звуки доносились из ванной, и теперь он понял, что это за звуки — там, за закрытой дверью, рыдала женщина.

Даже мысленно он не мог назвать ее Леной. И не мог открыть дверь ванной, чтобы снова ее увидеть.

И тут в его голову пришла простая и разумная мысль. Он даже удивился, как не подумал об этом раньше.

Георгий бросился в свой кабинет, где в ящике письменного стола лежали их с Леной документы.

Сейчас все встанет на свои места, наваждение рассеется.

Выдвинув ящик, он вытащил паспорта, открыл...

Верхний был его, он раздраженно отбросил его, открыл второй — и застыл в шоке.

На первой странице паспорта красовалась фотография.

Это была не Ленина фотография. Это была фотография той самой женщины, которая сейчас рыдала в ванной.

Широковатые скулы, глубокая ложбинка на подбородке, родинка на левой щеке.

— Что за бред! — пробормотал Георгий, тупо разглядывая паспорт.

Бакланова Елена Дмитриевна. Год, месяц и число рождения — все, как у Лены. Но лицо... лицо совершенно посторонней женщины. Лицо, которого он не видел до вчерашнего вечера.

Но этого просто не может быть!

Тут он вспомнил, что здесь же, кроме общегражданских паспортов, лежали и их с Леной заграничные паспорта. Они хранились в самой глубине ящика.

Георгий отодвинул остальные документы, увидел знакомую красную обложку.

Это был его заграничный паспорт.

Он прекрасно помнил, что Ленин лежал тут же, рядом, но сейчас его не было.

Георгий перерыл содержимое ящика. Паспорта жены нигде не было, зато он нашел конверт с фотографиями.

Лена почему-то не любила фотографироваться, с огромным трудом ему несколько раз удалось уговорить ее, но свадебные-то фотографии у них были!

С бьющимся от волнения сердцем он вытряхнул глянцевые снимки из конверта.

Вот коттедж, который после свадьбы предоставила ему строительная фирма. Вот белоснежный катер, на котором они катались на следующий день после бракосочетания. Вот островок, куда они приплыли, — маленький уголок утопающего среди зелени тропического рая.

Вот, наконец, и они сами — сразу после свадьбы, сфотографировались вместе с послом.

В центре снимка — сам посол, плотный, представительный мужчина с седыми висками, рядом с ним — его собака, тот самый лабрадор, по левую руку от посла — он, Георгий, а возле него — светловолосая женщина в легком белом платье...

Это была не Лена.

Это была она, женщина с родинкой на щеке.

Рыдания в ванной стали еще громче.

Георгий тупо уставился в стену.

Что происходит? Может быть, он действительно сошел с ума, перестал узнавать собственную жену?

Он подошел к зеркалу, висевшему в простенке, взглянул на свое отражение. Он был готов ко

всему — даже к тому, что не узнает и свое собственное лицо.

Но нет, лицо в зеркале было то самое, которое он видел каждое утро, бреясь или умываясь. Правда, оно было бледным, растерянным, с темными кругами под глазами — но это неудивительно, учитывая обстоятельства...

Георгий вернулся в спальню, сел на кровать, тупо разглядывая узор ковра. Машинально взял чашку кофе, сделал несколько глотков.

Кофе был остывший, с каким-то неприятным привкусом. В голове от него не прояснилось, как обычно, наоборот, мысли стали еще больше расплываться.

Доносящиеся из ванной рыдания прекратились, в коридоре негромко хлопнула дверь. Георгий в ужасе подумал, что сейчас *эта женщина* (мысленно он только так мог ее называть) войдет к нему, он снова ее увидит, услышит ее голос... это было выше его сил.

Но она, к счастью, удалилась на кухню, загремела там посудой.

Георгий прилег. Он хотел еще раз обдумать чудовищную, бессмысленную ситуацию, но вместо этого заснул.

Это был не сон, а какое-то странное, мутное забытие. Сквозь дремоту он слышал возле себя шаги, скрип, стук, словно кто-то выдвигал ящики комода, перебирал вещи. В какой-то момент Георгий приоткрыл глаза и увидел, что *эта женщина* стоит на коленях посреди спальни, вывалив

на пол содержимое ящиков, и перебирает его, словно что-то ищет. Он хотел спросить ее, что она делает, но снова провалился в сон, на сей раз настоящий, глубокий, со сновидениями.

Ему снилось, что они с Леной идут, разговаривая, по узкой дорожке среди пышно цветущих тропических кустов. Лена все время отворачивается от него, как будто он ее чем-то обидел. Ему очень хочется увидеть ее лицо, он берет ее за плечи, поворачивает к себе...

И вместо любимого лица видит жуткий оскаленный череп с глубокими провалами глазниц.

Георгий закричал от ужаса и от собственного крика проснулся.

Рядом с ним стояла *эта женщина*. Она смотрела на него с нежностью и сочувствием. Заботливо промокнув его лоб мокрым полотенцем, она проговорила:

— Что с тобой, дорогой? Ты так кричал! Давай измерим температуру. Наверное, ты заболел, поэтому так странно вел себя и вчера, и сегодня утром.

— Оставь меня! — вскрикнул Георгий, оттолкнул руку с полотенцем и вскочил.

Вещей на полу не было, в спальне был порядок. Впрочем, возможно, та сцена ему просто приснилась.

— Да что с тобой происходит? — Женщина попыталась остановить его, провела рукой по волосам.

Георгий вздрогнул от этого прикосновения. Происходящее бесконечно мучило его, он чувствовал, что и правда сходит с ума. Нужно было хоть что-то сделать, что-то сказать... как бы сделать так, чтобы *эта женщина* хоть ненадолго оставила его в покое? В ее присутствии он не мог ни думать, ни вспоминать.

— У меня очень болит голова! — проговорил он, дотронувшись пальцами до лба и мучительно поморщившись.

— Сейчас я принесу тебе таблетку! — Женщина выскользнула из спальни. Он перевел дыхание, но передышка была недолгой: она снова возникла на пороге, протянула ему таблетку и стакан. В стакане была не вода, а слабо заваренный чай.

— Это зеленый чай, — проговорила она прежде, чем он успел задать вопрос. — Он очень хорошо помогает от похмелья.

— Похмелье? — повторил он за ней. — Но я вчера выпил совсем немного, всего два бокала хорошего вина...

— Ну, не знаю! — Женщина протянула ему таблетку, дождалась, проследила, чтобы он положил ее в рот, подала стакан.

В это время из коридора донесся телефонный звонок. Она бросилась на этот звонок, как будто от него зависела ее жизнь.

Едва она выскользнула в коридор, Георгий выплюнул таблетку, метнулся к цветочному горшку, засунул таблетку в землю. Тут он вспомнил

странный привкус кофе, вспомнил внезапно навалившуюся на него дремоту и вылил туда же чай.

Едва он успел вернуться на прежнее место, в комнату вошла *эта женщина*.

Увидев пустой стакан, она удовлетворенно улыбнулась:

— Выпил? Молодец! Приляг, сейчас таблетка подействует, и тебе станет лучше...

— Кто это звонил? — спросил Георгий, послушно укладываясь в постель.

— Ошиблись номером, — быстро ответила она. — Спрашивали какую-то Олимпиаду Самсонову. Поспи, тебе станет лучше...

Георгий прикрыл глаза, сделал вид, что засыпает, но сквозь полуопущенные веки следил за женщиной.

И она следила за ним, как кошка следит за мышью, — внимательно, настороженно, пристально.

Так прошло две-три минуты, она удостоверилась, что он заснул, и наконец отвернулась.

И снова, как прошлый раз, принялась тщательно и планомерно обследовать спальню. На этот раз она проверяла содержимое прикроватных тумбочек.

Видимо, ничего в них не найдя, привела их в порядок и вышла из комнаты.

Едва дверь за ней закрылась, Георгий поднялся, подкрался к двери, прислушался. Из коридора доносился приглушенный голос — должно быть, *эта женщина* разговаривала с кем-то по

телефону. До Георгия доносились только отдельные слова:

— Да... в порядке... нет, пока не нашла... ну, а как ты думаешь?.. нет, я надеюсь успеть...

Георгий больше не мог находиться в квартире, не мог находиться под одной крышей с *этой женщиной*. Уйти, уйти хоть куда-то, хоть немного побыть одному! Может быть, если ее не будет рядом, он сможет спокойно обдумать происходящее и найти в нем хоть какой-то смысл...

Однако прежде чем покинуть квартиру, Георгий сделал еще одну, довольно странную вещь. Пробравшись в спальню, он разрыл землю в цветочном горшке, нашел таблетку, которую дала ему *эта женщина*, завернул в бумажную салфетку и сунул в карман. После этого, стараясь не шуметь, он прошел в прихожую, оделся, сунул в карман ключи и бумажник и выскользнул на лестницу.

На лестничной площадке он увидел соседку — ту самую женщину с собачкой, которую встретил накануне вечером. Она выходила из своей квартиры, но, увидев Георгия, испуганно юркнула обратно и захлопнула за собой дверь.

Георгий ссутулился, сбежал по лестнице, вышел на улицу и побрел куда глаза глядят.

Он шел, не глядя по сторонам, не разбирая дороги, пытаясь понять, что же с ним происходит.

Что это — какая-то чудовищная шутка? Кто может так дико и бессмысленно шутить? Лена на

такое не способна, она ни за что не поступила бы с ним так жестоко!

И потом — паспорт! Он своими глазами видел паспорт с Лениными данными и фотографией *этой женщины...* и та, свадебная фотография в посольстве...

Но тогда... тогда это может значить только одно: он сошел с ума, перестал узнавать собственную жену...

Сошел с ума?

Георгий всегда считал себя человеком на редкость здравомыслящим, не склонным к дурачествам, скорее даже занудой, чем чудачком. Но, может, именно такие люди и сходят с ума?

Он попытался проверить, сохранил ли рассудок. Для начала вспомнил таблицу умножения, потом кое-какие формулы, которыми пользовался в своих строительных расчетах. Вроде бы память ему не изменила, хотя, возможно, сумасшедшие тоже сохраняют какие-то профессиональные знания...

— Залил глаза! — проговорила какая-то пожилая женщина, с которой он едва не столкнулся. — Пьянь хроническая! Вот ведь досталось какой-то женщине такое сокровище!

Георгий извинился, огляделся по сторонам.

Он оказался далеко от дома, рядом с дверью, над которой красовалась вывеска «Медицинский центр «Здоровье и долголетие». Все виды медицинских обследований и анализов».

Георгий толкнул дверь, вошел внутрь.

Напротив двери, за хромированной стойкой, сидела молодая привлекательная женщина в белом халате. На стене за ее спиной был постер, изображавший какое-то жуткое чудовище с многочисленными лапами и страшными зубами. Надпись на постере гласила:

«Серебристый стафилококк и как с ним бороться».

Георгий подошел к стойке и откашлялся.

— Я вас слушаю, — приветливо проговорила женщина.

— У вас можно сделать любой анализ? — осведомился Георгий.

— Практически любой, — заверила его та.

— И можно быстро получить результат?

— Ну... это зависит от сложности анализа, но мы делаем все на месте, никуда не возим, так что в обычных случаях результат можно получить через час-два. Но, конечно, придется доплатить за срочность.

— Дело в том, что у меня не самый простой случай...

Георгий замялся, и женщина поняла его по-своему:

— Результат реакции Вассермана будет готов через три часа. Быстрее не получится. Но конфиденциальность мы вам гарантируем...

— Да нет. — Георгий замахал на нее руками. — У меня совсем другое!

Он вытащил из кармана салфетку с завернутой в нее таблеткой и положил на стойку:

— Мне нужно узнать состав вот этого лекарства.

Женщина в белом, ничуть не удивившись, посмотрела на таблетку и сказала:

— Ну, опять-таки это зависит от того, с чем мы имеем дело, но я передам таблетку нашему лаборанту. Поскольку вы хотите получить результат немедленно, это будет стоить...

Георгий не стал спорить и тут же выложил деньги.

Женщина в белом подняла трубку интеркома и позвала какую-то Полину Леонидовну. Тут же открылась задняя дверь, и в приемную, скрипя суставами, вышла сутулая старушка в очках с толстыми стеклами. Старушка выслушала объяснение, взяла таблетку пинцетом, осмотрела, обнюхала и удалилась.

— Можете пока подождать. — Регистратор показала Георгию на глубокое кресло рядом с журнальным столиком. — Полина Леонидовна — замечательный специалист. Думаю, что она быстро разберется.

Действительно, не успел Георгий пролистать глянецовый журнал, посвященный здоровому образу жизни, как в приемной снова появилась Полина Леонидовна и, ни слова не говоря, протянула регистратору листок с отпечатанным текстом.

— Ну вот видите, все уже готово! — жизне-радостно сообщила женщина в белом Георгию и отдала ему результат анализа.

Прочитав отпечатанный на листке текст и выслушав подробное пояснение, Георгий вышел из медицинского центра в еще более растрепанных чувствах, чем час назад.

Прямо напротив светилась вывеска бара с весьма странным названием «Ридикюль».

И тут ноги сами понесли его к дверям бара. Может быть, если он выпьет, ему станет легче, и он сможет взглянуть на происходящее под другим углом...

Внутри было шумно и накурено.

Играла громкая музыка, но главным источником шума была не она. Посреди бара стоял долговязый тип лет сорока, с опухшим и помятым лицом, в блестящем пиджаке и с длинными слипшимися волосами. Он таскал за волосы пьяную крашеную блондинку в немыслимо короткой юбке и орал хриплым голосом:

— Я тебя научу искусство любить! Я тебе покажу, что ты собой представляешь! Ты что, тля, о себе вообразила? Кто есть ты и кто есть я! У меня в одном мизинце больше этого... таланта, чем во всей их поганой шарашке!

Блондинка визжала и пыталась вырваться. Окружающие не вмешивались, с интересом наблюдая за происходящим. Бармен спокойно стоял за стойкой, не реагируя на происходящее, однако длинноволосый скандалист свободной рукой схватил подвернувшуюся бутылку и запустил ее в сторону стойки. Бармен ловко увернулся и скрылся за стойкой, посыпались осколки,

раздался звон бьющегося стекла. Вдруг какой-то бородатый тип подошел к скандалисту и возмущенно проговорил:

— Слушай, ты, оставь девушку в покое!

Из-за стойки снова показался бармен и обратился к бородачу:

— Слушай, друг, не лезь не в свое дело, а то только хуже будет! Ты же его знаешь...

Бородач не успел ответить. Скандалист повернулся к нему, уставился с брезгливым удивлением и процедил:

— А ты кто такой? Обыкновенное насекомое! А как с насекомыми поступают?

В ту же секунду в его руке появилась квадратная бутылка из-под виски, он размахнулся и уже готов был опустить бутылку на голову незадачливого бородача, но тут обстановка резко переменялась.

Дверь бара распахнулась, в него ворвалась высокая женщина лет тридцати в узких джинсах со стразами и бордовом кашемировом свитере. Не замедляя движения, она подлетела к скандалисту, ловко выхватила у него из руки бутылку и поставила на стойку, развернула бородатого правдоискателя, усадив его за свободный столик, затем отцепила от длинноволосого пьяную блондинку, сунула ей в руку крупную купюру и подтолкнула к выходу из бара.

Все эти действия заняли у нее не больше секунды. Видно было, что она прodelывает их не первый раз.

Скандалист, осознав, что у него отобрали игрушку, обиженно надул губы и проговорил:

— Это ты, Аля? Вечно ты не вовремя появляешься!

— Очень даже вовремя! — перебила его женщина, подхватила длинноволосого под руку и толкнула навстречу здоровенному парню, который вошел в бар вслед за ней. — Мишаня, отвези его домой!

— Само собой! — ответил здоровяк, перехватив скандалиста.

Тот, однако, пытался сопротивляться и возмущенно орал:

— Зачем домой? Не хочу домой! Хочу гулять! Я тут так хорошо оттягивался...

— Угомонись! — шикнула на него женщина. — Ты уже нагулялся, пора баиньки!

— Не хочу баиньки... — Длинноволосый пытался отбиваться, но его уже вынесли из бара.

Тут же из-за стойки показался бармен.

— Добрый вечер, Альбина Ивановна! — льстиво обратился он к решительной женщине. — Как вы его ловко угомонили!

— Работа такая! — ответила та. — Тебе спасибо, Кеша, что позвонил, пока мой не успел дров наломать! Столько хватит? — И она протянула бармену несколько купюр.

— В самый раз! — ответил тот, преданно глядя на женщину. — А вам — как обычно?

— Да, налей, надо стресс снять!

Бармен налил в стакан что-то зеленое, добавил немного розового и бросил несколько кубиков льда. Женщина присела тут же, у стойки, придвинула к себе бокал и задела Георгия плечом.

— Простите! — не глядя, сказала она. — Вы не могли бы чуть подвинуться?

Голос ее показался Георгию знакомым. Точнее, не голос, а манера несколько растягивать слова. Теперь, когда женщина говорила спокойно, это проявилось.

Неизвестно почему ему вспомнился жаркий летний день и берег Невы возле Лесопарка. Вода чистая, потому что город ниже по течению, она переливается на солнце и отдает серебром.

Загорелые дочерна ребятишки возятся на мелком месте, и белобрысая девчонка брызгает ему в лицо. А он закрывается от брызг ладошкой, отходит все дальше от берега, и вдруг дно уходит из-под ног, и он начинает тонуть. Потому что еще маленький, и плавать отец научит его только в будущем году.

Он тогда ужасно испугался, и девчонка, увидев его выпученные глаза, мигом сообразила, что дело плохо, и бросила ему резиновый надувной круг. Да так ловко, что круг сам наделся на шею.

И он выплыл, никто из взрослых даже не заметил. Они ничего взрослым и не сказали, потому что отец надавал бы тумаков, а мать больше ни за что не отпустила бы от себя на пляже.

— Эй, вы меня слышите? — Женщина довольно ощутимо ткнула его в плечо.

Георгий повернулся и пристально на нее посмотрел.

Коротко стриженные светлые волосы, большой решительный рот, вертикальная морщинка между бровями. Верно, она и раньше брови хмурила. А волосы тогда были еще светлее, две белобрысые косички, как две запятые. Потом она их в хвост завязывала.

— Не может быть... — сказал он изумленно. — Неужели Алька?

— В чем дело? — Тонкие, аккуратно выщипанные брови сошлись на переносице.

А раньше вообще бровей не было заметно.

— Ты... вы меня не узнаете? — Георгий слишком поздно понял, что не следовало ничего говорить. Может, она его тоже узнала, просто не хочет признаваться. Подумаешь — друзья детства, это когда было-то...

— Узнаю, — тихо сказала Альбина, — конечно, узнаю, Гера. Вот так встретились...

От того, что она назвала его именем Гера, которым никто его не называл уже очень давно — только мама в детстве да ребята во дворе, у Георгия вдруг защипало в глазах. Он отвернулся и поймал внимательный взгляд бармена.

— Кеша, — тут же встрепенулась Альбина, — где у тебя можно спокойно поговорить? Знакомого вот встретила...

— Сюда проходите! — Бармен поманил их за занавеску и привел в маленькую комнатку, где

имелись только столик и два простых стула. — Располагайтесь, тут никто не помешает.

— Сколько лет прошло... — пробормотал Георгий, не глядя на Альбину.

— Много, — протянула она, — очень много...

— Как ты? — Он притронулся к ее стакану. — Со встречей...

— Как я? — отпив из стакана, вздохнула она. — Да ты видел... Живу, работаю вот... у этого, с позволения сказать, певца директором. Раньше-то он очень популярный был, но попил все же частенько. Ну, пока молодой, еще ничего. Пропитается, морду наштукатурят ему — и вперед! Но годы-то идут, труднее стало себя в порядок после пьянок приводить. То есть это я его каждый раз в чувство привожу, а это, доложу тебе, занятие не из приятных. Но работа есть работа... Я-то свою работу выполняю, а он... Еще у него проблема: ведутся на него только молоденькие девчонки, фанатки, в общем. Он в молодости-то хорош был...

— Да неужели? — не выдержал Георгий, вспомнив длинные сальные волосы, опухшее лицо и безумные от залитого спиртного глаза ее работодателя.

— Вот представь себе! — Альбина тут же поправилась: — То есть я-то и раньше понять не могла, что девчонки в нем находят, но они на концертах с ума сходили! А потом, как я ни стараюсь...

— Ты здорово с ним управляешься, — честно сказал Георгий.

— Да что мы все обо мне? — отмахнулась она. — Герка, ты уж прости, но выглядишь ты не очень... У тебя неприятности?

Вот и раньше она могла при встрече окинуть его взглядом и сразу сообразить, что с ним что-то не то.

Когда они подрались на школьном дворе с Витькой Белолобовым и скотина Витька ударил напоследок его по голове портфелем, в который загодя положил половину кирпича, у него потемнело в глазах, и земля стала стремительно приближаться. Витька испугался и убежал, а он полежал немного и пришел в себя. Никто его не видел, они с Витькой специально выбрали такой закуток за хозяйственным блоком, куда никто не ходил, кроме завхоза, а он тогда уехал за новыми партами. Что они не поделили? Уж не вспомнить теперь... Но когда он, отлежавшись на холодной земле, пришел в себя и появился на уроке, Алька первая заметила, что у него что-то с глазами. Не обращая внимания на орущую училку, она схватила его и поволокла в медпункт. А там уж определили сотрясение мозга.

Было это... дай бог памяти... классе в третьем, а может, позже. И Алька еще приходила потом к нему под окошко в больницу. А больница была на другом конце города, так что ей приходилось после школы тащиться целый час на трамвае. Он вспомнил маленькую фигурку в смешной красной шапке с помпоном. И косички торчат двумя запятыми.

— Да я вот... — пробормотал он, — тоже живу, работаю... В строительной фирме...

Он поймал ее взгляд и понял, что она хочет спросить, есть ли у него семья. Но не спросит. Про это не спросит.

— Ты замужем? — Он поискал глазами кольцо на руке.

Его не было. Никаких колец не было — ни простых, ни с камнем. В ушах блестили сережки простенькие, и больше никаких украшений.

— Была... — Альбина отвернулась. — Была замужем. Да только при моей работе трудно с семьей... А ты женат, конечно...

— Да-да... — Внезапно у него так сильно задрожали руки, что виски в стакане едва не пролилось на стол.

— Ну-ну, — Альбина усмехнулась и осторожно взяла стакан из его рук, — вы поругались, оттого и сидишь здесь в одиночестве, завиваешь свое горе веревочкой?

— Все не так. — Он закрыл лицо руками.

— Совсем ушла? — продолжала Альбина. — Ну, она вернется. Такими мужиками, как ты, не бросаются.

— Не болтай глупости! — Он посмотрел сердито. — Что ты как соседка на лавочке...

— Давай рассказывай! — Она нисколько не обиделась.

— Ты не сможешь. Никто мне не поможет.

— Помогу! — твердо сказала она, и он вдруг уверился, что и правда Алька поможет. Ведь она всегда ему помогала.

Георгий отставил пустой стакан и рассказал подружке детства все в подробностях.

Лола подошла к окну. Окна их с Леной большой четырехкомнатной квартиры выходили во двор. Это было правильно — так гораздо тише, меньше пыли, двор у них был уютный и чистый. Но сегодня вид мокрых кустов сирени и облезлых качелей-каруселей Лолу ничуть не порадовал. Когда шел дождь — унылый, долгий, выматывающий душу, — настроение у Лолы падало до абсолютного нуля, она чувствовала себя одинокой и никому не нужной.

Лола родилась в большом и шумном южном городе у теплого Черного моря и унылую петербургскую погоду терпеть не могла. Не могла к ней привыкнуть и смириться, как смирилось большинство жителей нашего города.

— Только подумать — на дворе июнь! — вздохнула Лола. — Лето называется...

Лоле было невыносимо скучно, но она не дошла еще до того, чтобы разговаривать сама с собой. В данном случае она обращалась к крошечному песику древней мексиканской породы чихуа-хуа, который валялся на кровати, прямо на итальянском шелковом покрывале цвета слегка увядшего шиповника.